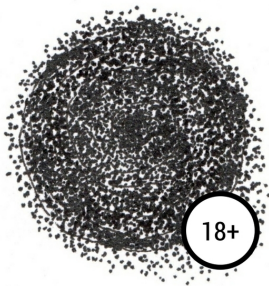

ПАВЕЛ КОЛБАСИН
БЫ....

ИЛЛЮСТРАЦИИ МИЛЫ ЙОШ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Павел Владимирович Колбасин

БЫ...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42678920

SelfPub; 2019

Аннотация

Маленькие истории о маленьких людях. О романтиках, которые хотели бы стать поэтами, но работают контент-менеджерами. О прекрасных идеях, которые приходят не тем и не туда. О словах, сказанных не вовремя. О том, что могло бы произойти, но никогда не произойдет. И о пустоте между нами, которая больше холодного чужого космоса. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Про себя. Вместо предисловия.	4
Про чай.	6
Про старый и новый.	8
Про бар.	12
Про гирлянду.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Про себя. Вместо предисловия.

Я живу в южном городе, на окраине мира.

По вечерам, я вижу, как уставший чумазый бог закатывает солнце за хрущевку. И тени-люди скользят по аллее кто в Вальхаллу, кто в Аид, а кто в абсолютную пустоту, пить пиво и смотреть телевизор.

Великие воины тащат валькириям картошку.

Праведники лакают на кухне спирт.

Алхимики ищут секрет золотого фолловера.

А я мечтаю о подвигах.

Но каждое утро, вместо меча, беру мусорный пакет и с остервенением швыряю его в разверзшийся зев мусоропровода.

Бутылки звенят, как остриё копья по чешуе чудовища.

А потом я еду в маршрутке и старательно изучаю запрещенные затылки, носы, сросшиеся с телефонными дисплеями, размытые вывески за окном, и незамысловатые тексты песен российских эстрадных звёзд.

Рядом кряхтит Иов.

Ланселот подпирает лбом поручни.

Раскольников трёт платком шею.

А мы все несёмся в тесной пыльной банке. От корней мирового дерева до вершины и обратно. Хмуро провожаем день. Угрюмо в спину толкаем вечер. Подпрыгиваем на кол-

добинах волшебной дикой Руси. Думает об авансе и ценах на коммуналку.

И каждый из нас, стоя, сидя, поперек и вдоль салона, подпевает, даже если не знает слов: "Надежда, мой компас земной..."

Так и проходит моя жизнь. В дорожных записках на разбитом экране. В часе езды от центра. В квартале от семейного магнита. В двух шагах от края этого мира.

Про чай.

Он пил чай и прихлёбывал.

А Она терпеть не могла, когда Он прихлёбывал.

И Она тоже начала прихлёбывать.

А Он подумал:

"Как же отвратительно Она прихлёбывает..."

И они расстались.

Про старый и новый.

Старый год горел и корчился.

Его изъеденное днями тело колыхалось на сквозняке.

Я с досадой захлопнул форточку. На стекле отражались

контуры весёлых, праздных людей.

Они звенели вилками. Говорили о надежде. И терпеливо ждали, когда Старый год отмучается.

Но я не ждал, и не зажигал бенгальский огонь.

Не кричал УРА!

Не вздыхал устало: «Ну наконец-то!»

Не крестился на образа.

Не плевал в голубой экран.

Впервые, мне было жаль, что старый год сорвался.

Я ведь уже нагрел место.

Решил ребус.

Всех демонов победил.

Принцесс спас.

Все проекты закрыл.

Плюшки съел.

Сигареты выкурил.

Все мечтания только-только начали обретать форму. И в этих невесомых, дымчатых, изломанных линиях воображение вырисовывало золотой город. Конечно. Со временем форма затвердеет, станет чем-то конкретным и от этого несовершенным. Но пока.

Перемешивая на тарелке оливье и селёдку под шубой, счастье ОЖИДАЕМОЕ, согревало сильнее счастья ПОЛУЧЕННОГО.

А кто меня встретит там? В сполохах новогодних фейерверков? В призрачном мерцании разноцветных лампочек?

Мертвец в соломенной шляпе? Кофейное пятно на столе? Эхо в ночном парке?

Старый год угасал. И вместе с ним, исчезали былые победы и свершения, а на их месте появлялась чёрная, густая как мёд, тень Неопределенности.

Еще несколько секунд и я обновлюсь. Но это обновление не приносило радости. Никто не спрашивал, хочу ли я обновиться. Вселенная просто щелкнула шестерёнкой, и её вечный механизм грубо толкнул вперёд.

И поддаваясь чудовищной инерции мироздания, я летел, туда, где потёртый циферблат беспощадно разделял мою жизнь на ДО и ПОСЛЕ.

Старый год всё источался и источался. Но я ухватился и что есть силы сдавил его горло. Он захрипел, захлопал покрасневшими непонимающими глазами.

«За что миленький?»

А я давил и думал, что так лучше. Пускай я сам. Не эти – у стола, не те – на улице с гирляндами, не вселенная с её законами, а я сам закончу этот год, на несколько секунд раньше, и в эти украденные секунды почувствую, что я есть, что я могу, что я не барахтаюсь в невыносимом водовороте бытия, а плыву и пропускаю звезды сквозь пальцы.

Никто ничего не заметил. Бой курантов заглушил хрипы. Снег скрыл следы.

А новый год, весёлый, счастливый и радостный, пел песни, наливал игристое, и давал обещания, такие, что не вери-

лось, но очень хотелось поверить.

Про бар.

Бар тонул в винных парах и обрывках звука.

Пространство, от помянутой лимонной дольки на ста-

кане до выпотрошенной салфетницы, выло красно-фиолетовыми всполохами:

"Shut up, kiss me, hold me tight...!"

Она томно посмотрела на Него.

Он поймал Её взгляд и отвернулся.

Потом Он многозначительно посмотрел на Неё.

Она заметила, улыбнулась, и тоже отвернулась.

Они смотрели, ловили, и отворачивались минут 40. И когда, наконец, встретились у Него болела голова.

У Неё устала шея.

Вблизи. Оказалась, что Она не такая уж и принцесска. А Он точно не Генрих Навварский.

Разговора не вышло.

Выпили по рюмочке и молча поехали в отель. Всё лучше, чем спать в одиночестве.

И колонки, то ли от тоски, то ли от отчаяния, то ли ради смеха, выхарькали им в спину:

"Love is all that I can give to you,

Love is more than just a game for two..."

Про гирлянду.

Витрина кафе медленно загоралась синими, зелёным, красными огоньками. Отблески, как волны, лениво лизали

стекло и неторопливо гасли. В этом неспешном свечении было что-то тоскливое. Гирлянды как будто бы знали, что обречены, что вот-вот их скрутят, запихнут в коробку и спрячут в дальний угол кладовки до конца времён. Они как будто бы смирились с тем, что вот сейчас они есть, а потом – их не будет, и от этого смирения каждая секунда стала невероятно важна, всё их нехитрое существование наполнилось покоем, они уже не прыгали в диком ритме, они никому не хотели понравиться, они просто загорали и гасли, загорали и гасли...

Наша компания сидела за круглым столиком в углу кафе. Нас было четверо. Мы листали журналы, ковыряли телефон, прикладывались к чашкам с американо и как могли делали вид, что нам интересно друг с другом. Разговор не клеился. Слова вяло падали на стол и медленно расплзались по салфетке кофейными пятнами.

И вдруг, один из нас то ли в шутку, то ли от скуки предложил:

«А давайте поговорим о любви?»

«О любви?»

ПЕРВЫЙ грустно улыбнулся. По его широком лбу забежали морщинки, они взволновались, как океан во время шторма, и в этом волнении можно было заметить одинокий разбитый корабль. Его капитан упрямо боролся со стихией, хватался за доски, разбитые бочки. Он выкрикивал Её имя, но за грохотом бури было не понять – молится он или прокликает. Волна запоздалого сожаления ударила капитана, разда-

вила, и утащила на дно. Непроглядная холодная пустота сомкнулась над ним, истерзанные мысли перестали метаться и утихли. ПЕРВЫЙ достал телефон. Он знал, что ни сегодня, ни завтра, ни через вечность ему никто не напишет, но нужно было проверить, обязательно проверить...

Воздух задрожал. Взвизгнул. ВТОРОЙ дёрнулся. Салфетница упала. Стрела пробила свитер с оленями и торчала у ВТОРОГО из груди. Но он не замечал ни чёрного древка, ни красного оперения. ВТОРОЙ замороженно рассматривал девушку за барной стойкой. Она неожиданно преобразилась. Простые и незаметные до этого черты стали исключительными. Улыбка, ямочка на щеке, короткие тёмные волосы, татуировка на запястье. Раньше её и вовсе для него не было, а вот сейчас в ней было всё. ВТОРОЙ вспыхнул. Его чувства сфокусировались на этом горении. Но пламя не обжигало. Оно мягко обволакивало. От него пахло мандаринами и мёдом. Оно шуршало в голове и нашёптывало милую песенку:

«All you need is love...»

К нашему столику подошёл мужчина. Лицо уставшее. Пальто заношенное. От мужчины несло водкой. Он держал в руках лук, а на его спине подёргивались грязные крылышки. Мужчина с досадой посмотрел на ВТОРОГО:

«Вы извините... вы понимаете... промахнулся я... и стрелы закончились... вы извините...»

ВТОРОЙ ничего не слышал. Не понимал. Он поковырялся в кармане и не глядя сунул Мужчине пятидесятирублёвую

бумажку, чтобы отстал.

Лицо ТРЕТЬЕГО расплылось в сладострастной ухмылке. Свет в кафе потускнел. Стал мутным, как будто бы мир накрыли грязной красной тряпкой. По полу и стенам заматались изломанные тени. Вокруг столика двигались обнаженные женские фигуры. Высокие, низкие, полные, худые. Они дёргались, извивались, смеялись, плакали. В этой темноте, казалось, что у них нет ни глаз, ни ртов, а только смазанные обезличенные контуры.

ТРЕТЬЕМУ не нужны были их лица, их имена. Он помнил только одно имя. Видел одно лицо. Но ОНА далеко. Их разделяет такая непреодолимая пропасть, что ТРЕТЬЕМУ оставалось только заполнить её бесконечными телами. ТРЕТИЙ желал, мям, терзал, ласкал, растворялся. Пропасть не уменьшалась, но ТРЕТИЙ уже не мог остановиться.

Стены кафе развалились. Пол и потолок исчезли во мраке. Я вжался в стул и крепко схватил край стола.

Мой кофе тёмным пузырьком поднялся из чашки. Наш столик завис в космосе. Мимо пролетела комета. Её хвост хлестнул меня по лицу и оставил на щеке полоску звёздной пыли. Земля завалилась на бок, и из-за её голубого края, ошестинившись лучами-пиками, выплыла чёрная звезда. Я оттолкнулся от стула и подлетел к звезде, прижался к ней. Её поверхность была сделана из бархатной бумаги. От моего прикосновения звезда вздрогнула. В её глубине, в центре, что-то зашевелилось. Удар. Еще удар. Я услышал, как заби-

лось чёрное сердце. От этого стука содрогалась вселенная, открывались чёрные дыры, взрывались сверхновые и гасли мириады солнц. Этот древний звук наполнял мою душу счастьем, но в тоже время дробил её на мелкие части.

Звезда поплыла куда-то в бесконечность, я соскользнул с неё, и вместе со стулом, столом, своими товарищами, и опустился обратно в кафе.

"Про любовь? Да чего про неё говорить?"

Мы молча расплатились и разошлись.

Ночью Администратор выдворила мужчину в пальто, голых женщин, мокрого капитана и закрыла дверь. Она выключила гирлянду и начала торопливо скручивать зелёный провод. Сегодня милый мальчик признался ей и пригласил. Это было приятно, тешило её самолюбие, возможно она даже пойдёт с ним. Один разик. И всё. Но милые мальчики – это так обременительно. Так не серьезно. Она не хотела любви. Не хотело слушать чёрную звезду. Она устала. Она хотела спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.